

УДК 821.161.1-31.09

**МОТИВ ДУХОТЫ И ПОМРАЧЕНИЕ ДУХА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

О.Н. Солянкина

Институт коммуникативных технологий, г. Москва
E-mail: solanina2012@yandex.ru

Солянкина Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры туризма и рекламы Института коммуникативных технологий, г. Москва.
E-mail: solanina2012@yandex.ru
Область научных интересов: русская литература, творчество Ф.М. Достоевского, изображение города в литературе, проблема выражения точки зрения в художественном тексте.

В статье проанализировано употребление слов «душно» и «душить» в языке 60-х годов XIX века. Эти слова в переносном смысле могли означать недовольство существующей в мире социально-политической ситуацией. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» также обыгрывается ряд этимологически родственных слов: «дух», «душно», «душить». Цель статьи – выяснить, какую функцию выполняет мотив духоты в романе Ф.М. Достоевского. В результате исследования установлено, что метафоры, взятые из журнальных статей, приобретают новый смысл в контексте произведения, они передают основную

проблематику романа.

Ключевые слова:

Мотив, словесная игра, метафорическое употребление слов.

Действие романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» происходит летом, и Раскольников страдает от зноя: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки...» [1. С. 5]. «На улице жара стояла страшная, к тому же духота» [1. С. 6], – продолжает повествователь. На бульваре, где 16-летнюю девушку преследовал какой-то франт, «во втором часу и в такой зной, никого почти не было» [1. С. 40]. Чуть позже, накануне убийства, Раскольников испытывал лихорадочную дрожь: «...на такой жаре ему становилось холодно» [1. С. 45]. И, наконец, когда после преступления главный герой шел по повестке в полицейскую контору, «на улице опять жара стояла невыносимая» [1. С. 74].

Почему рассказчик в романе несколько раз говорит о жаре? Кажется, ответ очевиден: Петербург, раскаленный зноем, является фоном психологического состояния Раскольникова [2. С. 401]. Это не только атмосфера летнего города, но и атмосфера преступления [3. С. 327]. Конечно, всё это так. Но если обратиться к журналу братьев Достоевских «Время» (№ 7, 1861), то в хронике «Наши домашние дела» (В.С. Нечаева считает А.У. Порецкого автором этой хроники [4. С. 72]) можно познакомиться со статьей «Летний зной и книжная духота». В заголовке, как в каламбуре, обыгрываются слова «зной» и «духота», причем последнее слово употреблено в переносном смысле. Метафора в названии статьи разворачивается и в основной части текста, вполне оправдывая первоначальные читательские предположения по поводу содержания этой публикации [5. С. 176]. Журналист рассуждает о погоде в северной столице и умонастроениях в кругах петербургской интеллигенции, обыгрывая при этом слова «душно» и «душит». «Летом в Петербурге *душно* (курсив везде мой – О.С.) вообще, а тому, кто осужден обстоятельствами на усердное чтение печатных книжек, *душно* в особенности. *Душит* раскаленный камень со стоящею за ним тонкою пылью, *душит* журнальная разноголосица, *душит* кабинетная философия и почтовая гоньба на предвзятых идейках, *душит*, наконец, литературное аристократство» [6. С. 11]. В заключение статьи журналист советует своим читателям выйти из кабинета, чтобы избавиться от духоты: «...Человеку, запертому в четырех стенах, в сообществе печатных книжек и листовок, но еще не совсем утратившему чутье к жизненной правде, очень естественно, под влиянием двойной *духоты* – от горячей уличной пыли и книжной мудрости – пожелать, и пожелать страстно выйти из этой *духоты*» [6. С. 16].

«Душно», «духота» и «душит» в данном контексте имеют негативную оценочную окраску, которая сохраняется и при метафорическом употреблении этих слов. Автор статьи удачно сопоставляет свои впечатления от чтения журналов с ощущением летней духоты, создавая образ интеллектуального «удушья», причем такое «удушье» особенно опасно, потому что способно отбить у читателя чутье к «жизненной правде».

Метафору духоты можно встретить не только в периодике 60-х годов XIX века, но и, например, в стихотворении Н.А. Некрасова, написанном в 1868 году:

*Душно! Без счастья и воли...
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи... [7. С. 64].*

Слово «душно» в первой строфе стихотворения явно передает ощущение тоски, которое испытывает лирический герой, потому что социально-политическая обстановка в мире кажется ему абсолютно безотрадной (как «длинная бесконечная ночь»). Поражает невероятный масштаб, в котором мыслит герой стихотворения. Он призывает бурю, чтобы уничтожить людское горе во вселенной («чаша вселенского горя»). В данном случае стоит вспомнить, что Раскольников тоже хотел «взять просто-запросто всё за хвост и стряхнуть к черту» [1. С. 321] и получить власть «над всем муравейником» [1. С. 254].

В стихотворении 1877 года герой Некрасова испытывает ощущение удушья, потому что теперь его ужасает тот путь развития, которой выбрала современная цивилизация, тот путь, на котором человек утрачивает всё лучшее в себе:

*Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир – на роковом пути...
Человек – до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти! [7. С. 96].*

Не вызывает сомнений, что Порецкий и Некрасов, метафорически употребляя слово «душно», старались раскрыть внутреннее состояние человека. Несмотря на то что эти авторы имели разные политические взгляды и едва ли не диаметрально противоположные представления о дальнейших путях развития страны, они оба использовали одну и ту же метафору «удушья», которая была связана или с литературной полемикой, или с социальными и нравственными проблемами в обществе. Это само по себе свидетельствовало о том, что столичная интеллигенция обращалась к одним и тем же метафорическим моделям при описании той или иной ситуации, а значит, и восприятие разных ситуаций было похожим.

Достоевскому, безусловно, импонировала языковая игра в статье «Летний зной и книжная духота». Автор «Преступления и наказания» тоже нередко прибегал к каламбурам и в своей публицистике, и в своих художественных произведениях (эта проблема уже неоднократно освещалась в научной литературе – см., например, [8–12]). В частности, М.С. Альтман считает, что «острота и двусмысленность, хотя и часто, но отнюдь не всегда являются средствами только для комического эффекта; нередко, напротив, они оказываются составными и существенными элементами трагического» [8. С. 211]. В качестве примера исследователь приводит следующий эпизод: Раскольников в бреду и наяву томят колокольчики в дверях убитой им старухи, и Порфирий Петрович, учитывая состояние бывшего студента, пытается спровоцировать его каламбурами. «Этак можно и горячку нажить, когда уж этакие поползновения нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчики ходить звонить... Этак ведь иногда человека из окна или с колокольни соскочить тянет» [1. С. 266]. «Как уместны эти колокольчики при колокольне», – восклицает Альтман [8. С. 221–222]. В другой сцене романа особенно страшным для Раскольникова становится слово «кровь». В бреду ему померещилось, что кто-то бил квартирную хозяйку, и, очнувшись, он спрашивает об этом Настасью и слышит от нее:

– Это кровь, – отвечала она, наконец, тихо и как будто про себя говоря...

– Кровь!.. Какая кровь?.. – бормотал он, бледнея ...

– А это кровь в тебе кричит... [1. С. 91-92].

Служанка употребляет слово «кровь» в смысле «болезнь», «горячка»... Но язык оказался мудрее говорящего, и для Раскольникова слова этой простой женщины – глас народа, избличающий убийцу [8. С. 231–232].

Во время работы над «Преступлением и наказанием» Достоевский, вероятно, вспоминал статью А.У. Порецкого, поскольку смысловые параллели, возникающие между текстом романа и фрагментом статьи, слишком заметны. Журналиста раздражает и летний зной, и «кабинетная философия», но то же самое можно сказать и о Раскольникове. Главный герой «Преступления и наказания» тоже заперт в четырех стенах, для него тоже одинаково мучительны и летняя жара, и размышления о предстоящем запланированном убийстве («предвзятые идеи»). Правда, бывший студент не ставит под сомнение собственную теорию о том, что великим людям «всё позволено».

Кроме того, в романе, как и в статье А.У. Порецкого, появляется метафора духоты. После разочарования в Свидригайлове как «в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее в мире» Раскольникову становится «и тяжело, и душно» [1. С. 362]. Следующий фрагмент романа позволяет читателю представить, какое сильное ощущение безысходности овладело Раскольниковым: «А то уж слишком всё *сперлось* и *закупорилось*, мучительно стало давить, дурман напал какой-то. С самой сцены с Миколкой у Порфирия начал он *задышаться* без выхода, в тесноте» [1. С. 341]. Глаголы «сперлось» и «закупорилось» соотносятся с репликой Ильи Петровича, который чуть позже скажет, что у них в конторе «*спертый дух*» [1. С. 409]. В первом примере (Раскольникову тяжело и душно) отсутствует глагол активного действия, читатель узнает лишь о том, что герою трудно психологически. Во втором примере местоимение «всё» указывает на слишком неопределенный субъект действия, поэтому невозможно сказать, что имеется в виду. Оказывается, что в некоторых ситуациях Раскольников не является хозяином своих чувств, и он воспринимает собственное внутреннее состояние так, как будто оно находится под влиянием какой-то безличной силы. Метафора духоты в «Преступлении и наказании» отличается по своему смыслу от слова «душно» в переносном значении в статье Порецкого и в стихотворении Некрасова: у Достоевского она никак не связана с отношением главного героя к чужим политическим или религиозным взглядам.

Однако бывший студент умеет контролировать свои эмоции (правда, он не всегда это делает). Получив письмо от матери, Родион ставит перед собой дилемму: или забыть о своем намерении совершить преступление, или «*задушить* в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить» [1. С. 39]. В данном случае объектом «удушения» являются желания самого Раскольникова, но глагол «задушить» (пока еще в метафорическом употреблении) дает читателю понять, что герой готов к убийству. В журнальной статье обыгрывался глагол «душить», а в «Преступлении и наказании» слово «задушить» обрело свой прямой и грозный смысл. Главному герою романа казалось, что он «так бы и *задушил* Заметова» [1. С. 195], поскольку взгляд и молчание письмоводителя производили странное впечатление. Во время второго разговора с приставом следственных дел бывший студент готовился к «неведомой катастрофе», и поэтому «ему хотелось кинуться и тут же на месте *задушить* Порфирия» [1. С. 262]. И, наконец, объясняя Соне, что Наполеон с легкостью решил бы убить «легистраторшу», Родион добавляет: «...*задушил* бы так, что и пикнуть бы не дал... Ну и я... *задушил*... по примеру авторитета...» [1. С. 319]. Раскольников, несмотря на то что сам находится в психологически подавленном состоянии (ему душно), готов заставить других людей тоже испытать ощущение смертельного удушья; поэтому он «душит» Алену Ивановну и готов «задушить» любого, кто представляет какую-то опасность.

В романе Достоевского можно встретить языковую игру со словами «дух», «духота», «душно». Когда Родион решается на явку с повинной и приходит в полицейскую контору, то слышит знакомый голос: «Слыхом не слыхать, видом не видать, а русский *дух* ... как это там в сказке ...забыл!» [1. С. 406]. Илья Петрович не помнит, что в таких выражениях приветствовала своих гостей Баба-Яга. Несколько минут спустя он делает неожиданный комплимент Раскольникову: «...для вас книга, перо за ухом, ученые исследования, – вот где парит ваш *дух*!»

[1. С. 408]. И чуть позже замечает: «Вы опять как будто побледнели. У нас здесь такой *спертый дух*» [1. С. 409]. Первый раз слово «дух» употребляется в значении «запах», второй раз – в значении «разум», в третий раз – в значении «духота». На глазах читателя рождается каламбур: дух – духота. У Раскольникова помрачен дух, поэтому он одержим своей идеей «крови по совести».

По такому же принципу в пределах одного контекста сопоставляются слова «душевный – душно». Разумихин рассказал Родиону, что Зосимов считает Раскольникова сумасшедшим, потому что сейчас этот врач стал заниматься «*душевными* болезнями». В ответ главный герой романа заявляет: «Я в обморок оттого тогда упал, что было *душно* и краской масляною пахло» [1. С. 149].

Когда главный герой романа хотел потихоньку уйти из дома, «*душевное* напряжение, дошедшее до спокойствия, до неподвижной идеи, придавало ему сил» [1. С. 120]. Оказавшись на улице, бывший студент почувствовал, что там «*духота* стояла прежняя» [1. С. 120].

Итак, выстраиваются две похожие пары: «душевная болезнь – душно», «душевное напряжение – духота». При этом обыгрывается звуковая оболочка слов. Согласно толкованию В.И. Даля, дух (в высшем значении) – это искра Божества в человеке, а душа – это чувства человека, его совесть. Душа есть бесплотное тело духа, в этом значении дух выше души [13]. Главный герой романа тоже говорит о духе как о высшей субстанции человека, когда предлагает Соне идти с ним «по одной дороге»: «Ты могла бы жить *духом* и разумом, а кончишь на Сенной...» [1. С. 256]. Каламбурное соединение в пределах одного контекста родственных или этимологически родственных слов (дух – спертый дух; душевный – душно) оживляет внутреннюю форму слова [14. С. 222]. Внутри каждой пары начинают высвечиваться смысловые связи, и негативно окрашенные «спертый дух» и «душно» как будто бросают тень на слова «дух» и «душевное напряжение». Такая языковая игра имеет прямое отношение к мотивировке поступков Раскольникова. Родион не сумасшедший, у него болезнь духа, от которой страдает его душа.

В таком случае мотив жары и духоты, постоянно сопровождающий героя на протяжении всего произведения, становится указанием не только на физическое недомогание Раскольникова, но и на помрачение духа. В распивочной, куда зашел бывший студент, «было *душно*, так что было даже нестерпимо сидеть» [1. С. 12]. В комнате Мармеладовых «было *душно*» [1. С. 22]. У старухи-процентщицы «все окна были заперты, несмотря на *духоту*» [1. С. 62]. Даже в кошмарах Родиону чудится духота: «Время серенькое, день *удушливый*, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне» [1. С. 46]. «Сумерки сгущались, полная луна светлела всё ярче и ярче; но как-то особенно *душно* было в воздухе» [1. С. 212].

От духоты страдает не только Родион, но и Свидригайлов накануне самоубийства: «вечер был *душный*» [1. С. 384], номер гостиницы «был *душный*» [1. С. 388]. Этот герой тоже внутренне опустошен, и настойчивое упоминание духоты в авторских ремарках становится симптомом нравственной деградации Аркадия Ивановича.

Итак, жара и духота как деталь в описании города или какого-либо помещения являются частью образной системы романа. Но когда во второй части произведения обыгрываются слова «душевный – душно», значимость этой мелкой детали многократно возрастает. Достоевский как будто намекает на некую связь духоты с душевными мучениями Раскольникова. Затем в шестой части романа мы встречаем метафору духоты, которая указывает на тяжелое психологическое состояние бывшего студента. Чуть позже, во время признания Родиона в полицейской конторе, в речи Ильи Петровича возникает каламбурное обыгрывание слова «дух» в прямом и переносном смысле, что косвенно свидетельствует о помрачении духа Раскольникова. Достоевский как будто предлагает читателям ключ ко всем предшествующим поступкам главного героя. Повествование движется от загадки к разгадке: причина преступления кроется в отказе бывшего студента от религиозно ориентированной морали.

В «Преступлении и наказании» мотив духоты часто соседствует с мотивом запаха. В распивочной, где Родион познакомился с Мармеладовым, «стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно *пахло*. Было *душно*, ... и всё до того было пропитано винным *запахом*, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять

минут сделаться пьяным» [1. С. 12]. В полицейской конторе «духота была чрезвычайная и, кроме того, до тошноты *было в нос* свежее, еще не выстоявшееся краской на тухлой олифе вновь покрашенных комнат» [1. С. 75]. В гостинице, в номере Свидригайлова, «было *душно*, свечка горела тускло, ... да и во всей комнате будто *пахло* мышами и чем-то кожаным» [1. С. 389]. Когда Раскольников уходит из дома, чтобы избавиться от опеки Разумихина, то обнаруживает, что на улице «духота стояла прежняя; но с жадностью дохнул он этого *вонючего*, пыльного, зараженного городом воздуха» [1. С. 120]. В этом фрагменте романа мелькнуло метафорическое выражение «зараженный городом воздуха», смысл которого в данном контексте можно расшифровать как «грязный воздух». Но в шестой части произведения Свидригайлов очень точно и емко скажет о нездоровой нравственной атмосфере в Петербурге: «Народ пьянствует, ...откуда-то жида понаехали, прячут деньги, а всё остальное развратничает. Так и *пахнул* на меня этот город с первых часов знакомым *запахом*» [1. С. 370]. В северной столице воцарился запах морального разложения. В таком случае мотив запаха в других эпизодах романа соотносится с этой метафорой запаха моральной распущенности.

Раскольников дышит «зараженным воздухом» не только в прямом, но и в переносном смысле. Идея убить старуху приходит в голову не ему одному: в трактире он слышит разговор на ту же тему между студентом и офицером. И Свидригайлов, подводя итоги своим наблюдениям, тоже размышляет о распространении небезопасных мечтаний в Петербурге: «...молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях» [1. С. 370]. Согласно Н.П. Анциферову, Достоевский видит корень преступности не в нищете, а в заражительной атмосфере «большого города» – возбудителе неумеренных appetitov и страстей [2. С. 439].

В журналистике второй половины XIX века и в лирике Некрасова мы встречаем одну и ту же метафорическую модель духоты, к которой каждый раз обращаются авторы, когда им нужно было выразить свое негативное отношение к современной политической, социальной или нравственной атмосфере в обществе.

В «Преступлении и наказании» в подобной функции выступает метафора запаха морального разложения. Она соотносится с мотивом дурного запаха (запаха вина или краски), и в результате любое упоминание запаха в романе получает дополнительный смысловой оттенок: начинает ассоциироваться с нравственной деградацией, которая распространяется на все слои населения Петербурга.

По такому же принципу Достоевский выстраивает связи между метафорой духоты и обыгрыванием слов «дух – спертый дух» и «душевный – душно», что приводит к восстановлению внутренней формы слова, а это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что Раскольников пережил помрачение духа (у него самого «спертый дух»), а духота, преследующая главного героя, является овеществленным знаком его душевных мучений.

Распространенный в публицистике и литературе второй половины XIX века мотив духоты под пером Достоевского превратился в образ, по-своему воплощающий основную проблематику романа: отпадение от Бога и отказ от религиозно ориентированных норм морали ведет к моральному разложению личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, Лен. отд., 1972–1990. – Т. 6. – 426 с.
2. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ, 2009. – 584 с.
3. Панкратова М.Н. Капризы петербургской погоды как средство характеристики персонажей Ф.М. Достоевского // Восток-Запад: пространство русской литературы и фольклора: мат-лы II Междунар. науч. конф. – Волгоград: Волгоград. науч. изд., 2006. – С. 323–330.
4. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861–1863. – М.: Наука, 1972. – 303 с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

6. Порецкий А.У. Наши домашние дела. Летний зной и книжная духота // *Время*. – 1861. – № 7. – С. 11–18.
7. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука: Лен. отд., 1982. – Т. 3. – 511 с.
8. Альтман М.С. Использование многозначности слов и выражений в произведениях Достоевского // Альтман М.С. Достоевский по вехам имен. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1976. – С. 209–246.
9. Гольцекер Ю.П. Каламбуры в произведениях Достоевского и способы их передачи в переводах на польский язык (статья первая) // *Фразеология и контекст: сб. науч. статей*. – Самарканд: Самарк. гос. ун-т, 1987. – С. 40–45.
10. Оболенский Ю.Л. Каламбуры в произведениях Достоевского и их перевод на испанский язык // *Тетради переводчика*. – М.: Международные отношения, 1985. – Вып. 17. – С. 48–61.
11. Солянкина О.Н. Малые речевые жанры и языковая игра // Солянкина О.Н. Соединение жанровых традиций в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». – М.: РГГУ, 2013. – С. 62–83.
12. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – С. 193–258.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 1. – 640 с.
14. Ходакова Е.П. Каламбур в русской литературе XVIII века // *Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры*. – М.: Наука, 1968. – С. 201–254.

Поступила 11.11.2014